

К ВОПРОСУ О ВОЕННОЙ РЕФОРМЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

П. Епифанов

Военные преобразования Петра I занимают большое место в истории русской армии и военного искусства. Пётр создал постоянную, регулярную армию, всячески способствовал развитию военной промышленности и полному перевооружению армии современными образцами пехотного и артиллерийского оружия. Он упорно добивался овладения новой военной техникой в «трёхвременной» школе Северной войны и произвёл глубокий переворот в тактике армии. Он ввёл оригинальные военные уставы, издавал на русском языке книги по артиллерии и фортификации, создал военные школы и положил начало специального военного образования в России и широкой армейской подготовки русских офицерских кадров, воспитывал армию — от рядового фузилера до «командующего генерала» — в духе новой, более высокой, «регулярной» дисциплины. Таковы важнейшие стороны военной реформы Петра I.

Изучение предпосылок и хода реформы особенно ярко подтверждает правильность и глубину сталинской оценки преобразований Петра как «своеобразной попытки» «выскочить из рамок отсталости»¹. При Петре русская армия и военная культура в широком смысле слова шагнули далеко вперёд! Однако военные преобразования Петра с логической неизбежностью вытекали из предшествующего развития русской армии и явились закономерной ступенью её эволюции на рубеже XVII--XVIII столетий.

Это была переломная эпоха в истории русской армии.

Нетрудно заметить, что военные преобразования Петра I явились гранью между периодом неудач русской армии в борьбе с относительно слабым противником во второй половине XVII столетия (чигиринские, крымские походы) и периодом её выдающихся успехов в XVIII столетии, причём она имела теперь дело не с татарской конницей, а с лучшими армиями Запада. Пройдя при Петре трудный и славный путь от нарвского поражения 19 ноября 1700 г. до Полтавской победы 27 июня 1709 г., молодая регулярная армия «подымающейся нации» завоевала мировую славу и получила всеобщее признание как армия-победительница «непобедимых» полков Карла XII, как грозная для противника военная сила, как важный фактор международных политических отношений, с которым отныне не могли не считаться в столицах Европы.

Непосредственные итоги реформы подвёл сам Пётр, сказав в предисловии к Воинскому уставу 1716 г. о «великих прогрессах», достигнутых русской армией в борьбе со «славным и регулярным» неприятелем. Однако историческое значение военных преобразований Петра не исчерпывается ближайшими результатами реформы. При Петре был заложен фундамент регулярной организации вооружённых сил России, заложены основы русской национальной военной школы, живые ростки которой не удалось заглушить «прусскими преобразованиями» некоторых преемников Петра. Полководческое искусство и прогрессивные военные идеи Петра и его военных сподвижников послужили источником славных боевых традиций

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 359. 9-е изд.

русской армии, воспринятых и развитых П. Румянцевым, А. Суворовым, М. Кутузовым и их учениками.

Историческая наука давно опровергла взгляд на преобразования Петра как на «реформу без реформатора». Пётр был действительным руководителем военной реформы, вникавшим во все её детали и направлявшим общий ход перестройки армии, многое предвидевшим, умевшим извлекать уроки из ошибок и закреплять новое на прочном основании. Военные идеи Петра формировались на основе боевой практики армии. Эта практика определила окончательную структуру регулярной армии, развитие её тактических навыков и усовершенствование её технических средств. Направляя ход реформы, Пётр заботился прежде всего о перевооружении армии новейшей военной техникой, о строевом и тактическом обучении войск и воспитании их в духе патриотизма и защиты «интереса государственного». Стремясь преодолеть военную отсталость страны, Пётр широко использовал передовые достижения западной военной культуры, применяя их к особенностям русской армии и потребностям её прогрессивного развития. Пётр воспитал целую плеяду выдающихся русских военачальников и военных специалистов: Б. Шереметева, А. Меншикова, М. Голицына, А. Вейде, Я. Брюса, В. Корчмина, Г. Скорнякова-Писарева, В. Суворова и многих других.

Рассматривая условия возникновения регулярной армии в России, военные историки обычно самыми чёрными красками рисовали состояние армии перед реформой. Отсюда выводилась необходимость преобразования армии. Упадок дисциплины, отсталость вооружения и низкие боевые качества поместно-дворянского войска отмечались современниками и подтверждаются фактами военной истории. «Дай бог великому государю служить, а саблю б из ножен не вынимать», — говорили дворяне при Посошкове. Однако предки служилых людей XVII столетия — «воинники» Ив. Пересветова, составлявшие главную боевую силу русского войска XVI столетия, — в своё время охотно «играли смертной игрою». Массовое уклонение дворян от службы, рост числа «нетчиков» — явление, характерное для второй половины XVII столетия.

Оформление поместно-служилой системы, создание стрелецкой «огнестрельной пехоты» и сильной артиллерии в XV—XVI вв. представляли собой прогрессивную ступень в развитии русской армии и военного дела в стране. В войнах этой эпохи войска Московской Руси проявили высокие боевые качества. В своей основе тактика русской армии этого периода находит тактику западных армий (активно действующая кавалерия, опирающаяся на пехоту), однако она выработала целый ряд своеобразных черт, выгодно отличающих её от некоторых армий Европы.

Выгодно отличалась русская армия своим национальным составом, своей тактической организацией. Армии делились на «полки»: Большой, Правой илевой илевой руки, Сторожевой, Засадный, выделялся авангард «Эртоул». Русская артиллерия применяла оригинальные тактические приёмы, при осадах и в полевых сражениях она вела сильный артиллерийский огонь (передвижная ружейно-пушечная крепость Гуляй-город). Особенно искусно была организована оборона южных границ государства — с широким использованием естественных преград и искусственных оборонительных сооружений. В 1572 г. князь М. Воротынский, по поручению Ивана Грозного, составил «Устав о сторожевой, станичной и полевой службе».

Военная организация Московской Руси создавалась в условиях, которые «требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»¹. Это была ещё, в сущ-

¹ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 73. М. 1934.

ности, феодальная военная организация с армией, состоявшей на девять десятых из помещиков-дворян и их челяди. Ленин указывал на то, что в XVI в. отдельные земли и княжества Московской Руси имели ещё «свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками)»¹. Известно, что дворяне являлись на службу «конны, людны и оружны», а после похода их распускали по домам. По своей организации главная боевая сила московского войска — дворянская конница — представляла собой временное ополчение, созываемое лишь на время военных действий.

В XVII в. начинается кризис военно-поместной системы. Социально-экономические сдвиги в Московской Руси XVI—XVII вв. привели к постепенному отмиранию формы условного землевладения и к укреплению помещичьей собственности на землю и на крепостных крестьян. Чем больше втягивались помещики в круг «хозяйственных» интересов, тем настойчивее уклонялись они от выполнения тяжёлой военной повинности. С другой стороны, прогрессирующее «измельчание» дворянских фамилий, «оскудение чина воинского» лишали многочисленную группу «мелкопоместных, пустопоместных и беспоместных» детей боярских возможности служить в армии на старых основаниях. В условиях почти непрерывных войн и походов XVII в. мелкие помещики не были в состоянии служить исправно, как подобало служилому человеку. Отсюда рост числа «нетчиков», отсюда и попытки правительства организовать снабжение дворянского войска оружием, снаряжением и боеприпасами из «царской оружейной казны». В XVII в. детей боярских, «за которыми прожиточных поместий и вотчин нет», всё чаще записывали в пехотную службу, «для того, что им в копейщиках и рейтарах ныне быть не мочно за скудостью». «Клячи (у них) худые, сабли тупые, сами нужны и безодежны, ружьём владеть никаким неумелые», — так описывает Посошков русского служилого человека конца XVII столетия.

Поместно-дворянская система организации войска постепенно подтачивалась и с другой стороны. Как указывает Энгельс, усовершенствование ручного огнестрельного оружия и артиллерии в XVII в. привело к тому, что главным родом войск в этот период становится пехота, к которой переходит решающая роль в сражениях. Конница, получая на вооружение огнестрельное оружие, также перестраивалась на регулярной основе и изменяла свою тактику². С чисто военной точки зрения, «нестройная», необученная, вооружённая отсталым и разношерстным оружием дворянская конница теряла своё боевое значение, и несмотря на военно-техническую отсталость России в XVII в. её с поразительной быстротой вытесняли пехотные полки.

Поместно-дворянское войско по самому характеру своему не могло развиваться в правильно организованное, регулярное войско.

Нельзя назвать хотя бы зародышем регулярной армии и стрелецкую пехоту. Это была своеобразная форма организации «огнестрельной пехоты». Служба стрельцов, как и некоторых других категорий русского войска XVI—XVII вв. — пушкарей, воротников, кузнецов, затинщиков, городских казаков и др., — обеспечивалась денежным и земельным жалованьем и была наследственной.

В стрелецкое войско вербовали главным образом «от отцов детей и от братья братью, и от дядь племянников». Другой своеобразной чертой стрельцов было совмещение ими военной службы с гражданскими профессиями. Отсутствие систематического строевого обучения мешало стрельцам развивать своё ратное искусство. Всё это привело к тому, что Пётр вынужден был начать преобразование русской армии с полной ликвидации, «скасования», стрелецкой пехоты, а затем и поместно-дворянской конницы.

¹ Ленин. Соч. Т. I, стр. 73.

² См. Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Том первый, стр. 132—135, 165—166. Военгиз. М. 1940.

Необходимость военной реформы назревала также в связи с глубокими сдвигами в военном деле и военном строе Московской Руси XVII в., в связи с возросшей ролью России в международных отношениях.

Рост отечественного производства артиллерии и ручного огнестрельного оружия, особенно заметный с середины XVII в., и увеличивавшийся импорт оружия из стран Западной Европы постепенно насыщали армию огнестрельным оружием и поднимали значение пехоты. В 1668 г. в русской армии числилось 40 тыс. кавалерии и 24 тыс. пехоты, в 1681 г. — 45 тыс. кавалерии и 81 тыс. пехоты; во втором Крымском походе участвовали 28 полков конницы (37 тыс.) и 46 полков пехоты (58 тыс.)¹.

Изменение состава армии по родам оружия приводило к коренному изменению её социального состава, поскольку подавляющая масса пехоты и часть кавалерии вербовались теперь из крестьян и посадского населения. Дворянство должно было сохранить своё руководящее положение в армии при крестьянском её составе. Но для этого необходимо было преодолеть традиционное отвращение дворянства к пехотной службе и заставить дворян пройти школу новой военной выучки в рамках регулярной армии.

Другая характерная черта в развитии русской армии XVII в. заключалась в вытеснении поместно-дворянской конницы и стрелецкой пехоты полками «иноземного строя». К концу XVII в. поместная конница составляла лишь четвертую часть кавалерии, а стрельцы — десятую часть пехоты.

В последнее время некоторые историки стали рассматривать создание полков «иноземного строя» как вредное «отступление» от «национального принципа» старорусской военной организации и тактики. «Практика найма иноземных полков, — пишет проф. Коробков, — начавшаяся со времён Ивана Грозного² и получившая наибольшее развитие при Алексее Михайловиче, означала отступление от вышеозначенного принципа»³. Это утверждение основано на досадном недоразумении, так как русское правительство никогда не применяло «практики найма» целых полков⁴, а в состав полков «иноземного строя» входили русские люди (дети боярские, вольница, даточные).

Русское правительство нанимало за границей офицеров, приток которых в русскую армию особенно усилился после Тридцатилетней войны. Однако и среди офицеров в полках «иноземного строя» преобладали русские. Во втором Чигиринском походе в составе полковых офицеров (до майора) было 42 иноземца и 24 русских, зато среди ротных офицеров (капитаны, ротмистры, прапорщики) русских было 268, а иноземцев всего 58 человек⁵. Элементы наемничества в русской армии XVII в. являлись результатом военно-технической и культурной отсталости России; они не сразу были изжиты и при Петре I.

Так же необоснованно проф. Коробков называет полки «иноземного строя» «регулярными частями» русского войска XVII века. Рейтарские полки «иноземного строя» представляли собой не что иное, как модернизированную поместно-дворянскую конницу. Полки эти после

¹ М и л ю к о в П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в., стр. 38. СПб. 1905; У с т р я л о в Н. История царствования Петра Великого. Т. I, прим. 89, прил. XI. Цифры округлены.

² На самом деле первые полки «иноземного строя», как известно, созданы при Михаиле Фёдоровиче (прим. автора).

³ К о р о б к о в Н. Национальные черты русского военного искусства. «Под знаменем марксизма» № 7—8 за 1943 г., стр. 30.

⁴ В XVII в. было всего два случая найма целых полков на весьма короткое время. См. Б о р о д и н А. Иноземцы — ратные люди на службе Московского государства, 1916.

⁵ Ч а р ы к о в Н. Посольство в Рим и служба в Москве П. Менезия, прил. 156. Списание начальных людей. СПб. 1906.

похода распускали по домам так же, как и солдатские полки. Пётр не мог строить свою армию «по образцу» этих полков, в частности, и потому, что он вооружил свою армию новой военной техникой (ударно-кремнёвым ружьём со штыком), потребовавшей иной организации и тактики.

Нельзя согласиться с отрицательной оценкой, которую дают некоторые историки полкам «иноземного строя». Стремление России пойти «по общеевропейским путям развития вооружённых сил», пишет проф. Коробков, «к счастью (!), не затемнило собой основного национального принципа военной организации, а в дальнейшем было вовсе оставлено»¹. Создание полков «иноземного строя» было, безусловно, шагом вперёд в истории русской армии, количество их возрастало и после Алексея Михайловича, и не случайно В. В. Голицын пытался перестроить по иноземному образцу стрелецкую пехоту и поместно-дворянскую конницу. Стремление русских военных деятелей к усвоению «иноземного строя», к укреплению военно-культурных связей с Европой, приглашение иноземных офицеров, оружейных и пушечных мастеров, импорт оружия, перевод специальной военной литературы и уставов — всё это сыграло большую роль в подготовке военной реформы Петра.

Если реакционные круги протестовали против реорганизации армии и объясняли неудачу крымских походов «наказанием божьим» за то, что Голицын допустил в армию на командные посты «безбожных» иноземцев, то Пётр резко повернул русскую армию лицом к Западу. Пётр нашёл в методах организации и деятельности лучших русских полков «иноземного строя» (так называемых «выборных») те прогрессивные элементы, которые он мог использовать, приступив к преобразованию армии.

В самом развитии русской армии XVII в. произошли значительные сдвиги, которые непосредственно подготовили военные преобразования Петра Великого. С середины XVII столетия были введены периодические обязательные наборы в армию «даточных людей». Нельзя проводить полную аналогию между «даточными людьми» XVII в. и рекрутами XVIII—XIX вв., как это делали С. Ф. Платонов и В. О. Ключевский. «Даточных» призывали не на постоянную (пожизненную), а на временную службу. Однако наборы «даточных» подготовили переход к рекрутской системе. Достаточно указать, что регулярные пехотные полки первого набора 1699—1700 гг. наполовину были укомплектованы «даточными людьми».

Не меньшее значение имели начатки строевого обучения конницы и пехоты во второй половине XVII века. Известно, что полки «иноземного строя» обычно в течение одного месяца в году обучались перестроениям и элементарным тактическим приёмам. По свидетельству П. Гордона, «выборные» солдатские полки в Москве обучались перед царскими смотрами ежедневно. Первых инструкторов для своих «потешных» Пётр получил из выборного солдатского полка, которым командовал генерал-лейтенант П. Гордон.

Правда, строевая подготовка войск до преобразований Петра не была систематической и производилась не по единому строевому уставу, а на основе «ратного обычая», т. е. фактически по произволу иноземных инструкторов.

Пётр в самом начале реформы использовал организационный и военно-административный опыт полков иноземного строя творчески и умело. Отдельные элементы этого опыта Пётр постепенно свёл в стройную систему на основе регулярной организации армии.

То обстоятельство, что основной состав офицеров-иноземцев сохранился в XVII в. в кадрах армии, было использовано Петром в интересах

¹ Коробков Н. Пётр I — основатель русской армии и её военного искусства. «Военная мысль» № 2—3 за 1944 год.

реорганизации русской армии. Многие из этих иноземных офицеров настолько обрусели, что Пётр не мог не относиться к ним с полным доверием, которое они, кстати сказать, вполне оправдали (П. Менезий, П. Гордон, Ф. Лефорт, И. Чамберс, А. Вейде и др.).

Важнейшим элементом «регулярности» русской армии в XVII в. явилось снабжение полков «иноземного строя» оружием, снаряжением, а части конных полков и лошадьми, за счёт государства, из «царской оружейной казны». Принцип государственного обеспечения армии оружием, снаряжением и пр. является одним из главных признаков регулярной армии, и первые шаги в этом направлении были сделаны до Петра. Однако только в результате военных преобразований Петра I этот принцип восторжествовал окончательно и был осуществлён в полной мере, так что петровский солдат получал от государства и ружьё, и мундир, и сапоги, и лядунку с готовыми патронами.

Практика привлечения «беспоместных и малопоместных» дворян и детей боярских в пехотную службу, а некоторой части «даточных людей» для кавалерийской службы нанесла первый удар по дворянской привилегии — служить только в коннице. Это помогло Петру сделать службу в пехоте «заобычной» для дворян и заменить их в рядовом составе кавалерии рекрутами из крестьян. Однако привилегия эта была настолько традиционной, что Петру в первые годы реформы приходилось сурово наказывать дворян, которые «отбивались от пехотного строя», т. е. не желали служить в пехоте¹.

Разрабатывая в течение многих лет свой Воинский устав 1716 г., Пётр Великий использовал опыт русского уставного творчества XVII века. Ещё «Устав ратных дел» 1621 г. «изысканный» Онисимом Михайловым «от многих мудрых и искусных людей», требовал «смыслом разума, а не силой телеси своего ко врагом приходить»².

Идеи устава 1647 г. нашли своё отражение в статьях петровского устава о караульной службе и походных порядках³.

Следует заметить, что устав 1647 г. к концу XVII в. совершенно устарел и строевая его часть не применялась на практике.

Таким образом, несмотря на военно-техническую отсталость страны в XVII в. русская армия обнаружила несомненную способность к прогрессивному развитию. Чем сильнее сознавалась эта отсталость, чем горше были военные неудачи конца XVII в., тем решительнее и шире ставилась проблема реорганизации вооружённых сил. Мероприятия комиссии В. Голицына по преобразованию армии (отмена местничества, перестройка поместной конницы и стрелецкой пехоты) оказались недостаточными, хотя и расчистили путь для преобразований Петра. Русская армия накануне петровских преобразований медленно, но неуклонно двигалась вперёд. Накопленные этим историческим движением элементы позволили Петру в короткий срок осуществить полную реорганизацию военных сил государства.

Для истории военной реформы Петра I существенное значение имело то обстоятельство, что её творец и руководитель в детстве и юности прошёл «полный курс военной науки»⁴, включающий изучение всех видов современного огнестрельного и холодного оружия, военного «иноземного строя» пехоты и кавалерии, артиллерийского дела, начатков военно-инженерного искусства.

¹ Записки А. Желябужского, стр. 144, 167.

² Устав ратных, пушечных и других дел, составленный Онисимом Михайловым. Ч. 1-я, стр. 1—4. Изд. Рубана. 1777.

³ Несколько экземпляров устава Алексея Михайловича хранятся в отделе редких книг Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина.

⁴ Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв., стр. 205. М. 1915.

Большое значение в военном воспитании Петра имела практическая школа его «потешных». Не случайно Пётр много лет спустя удостоился высокого звания «первого российского солдата» С. Бухвостова, который «при начале военно-потешной службы первым в оную самохотно предстал». С «потешными», которыми командовал «полковник, что у потешных конюхов Иван Чамберс», с батареей потешной артиллерии, с гарнизоном «регулярной фортеции Пресбург», основанными в 1683—1685 гг., Пётр, по словам Б. Куракина, «делал непрестанно экзерцицию», а, по свидетельству А. Матвеева, «в оном корпусе... начав от барабанщичья чина, солдатские чины прямыми заслугами своими прошёл». Это сообщение вполне подтверждается тем, что Пётр только в 1691 г. присвоил себе чин сержанта и надел «сержантовъ кафтан».

Но для потешных занятий Петра характерно не только это увлечение «экзерцицией», но также живой интерес к технической стороне военного дела и к военной науке. С 1684 г. Пётр изучал столярное, токарное и оружейное ремёсла. В 1685 г. он впервые посетил Оружейную палату и с этого времени бывал в ней по два—три раза в год, забирая отсюда главным образом оружие, особенно «диковинное», необычное (с винтованными стволами, с замками разных систем, с двумя стволами и т. д.). В 1686 г. Пётр принял непосредственное участие в грандиозной пристрелке десятков тысяч «завесных пищалей», предпринятой в связи с подготовкой Крымского похода. В этом же году Пётр посетил Пушечный двор и щедро наградил пушечных мастеров, отличивших в его присутствии две медные пушки.

В 1685 г. Пётр прочитал, вероятно, первую в своей жизни «гражданскую» книгу, — то была «Книга огнестрельная» из библиотеки Алексея Михайловича¹. Пётр в годы учёбы познакомился и с другими военными книгами, в частности с уставом 1647 г. — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Голиков рассказывает, как юный Пётр удивил бояр разумной критикой строевых правил этого устава. С 1687 г. Пётр изучал начала баллистики и фортификации под руководством Ф. Тиммермана, а с 1689 г. его наставником в военных науках был П. Гордон. В военном воспитании Петра принимал участие талантливый и образованный шотландский офицер Павел Менезий².

Жадное и настойчивое стремление к военному просвещению и изучению военной истории, к военному эксперименту, при гениальных задатках юного Петра, не прошли бесследно для реформы и дали свои плоды. Неудача двух крымских походов В. В. Голицына произвела глубокое впечатление на Петра и усилила его интерес к военному делу, его критическое отношение к старой военной организации и тактике. С приходом к власти Пётр не забросил своих «потешных» и «экзерциций», а, наоборот, придавал «Марсовым и Нептуновым потехам» широкий, государственный размах.

В 1690—1694 гг. развернулась большая организационная работа по укомплектованию, вооружению и обучению четырёх «выборных солдатских полков». Эта работа проводилась под руководством П. Гордона и Ф. Лефорта в двух старых полках (б. Бутырский и А. Шепелева). Наряду с ними были созданы два новых полка: Преображенский и Семёновский, — которые стали впоследствии ядром регулярной армии. Преображенскую «сѣзжую избу», своего рода «штаб» «потешных», возглавил «генералиссим» Ф. Ромодановский с генеральным писарем И. Инеховым. Для этих полков подбирались офицерский состав, «прибирались» и получали строевую и тактическую выучку русские офицеры — капитаны, поручики, сержанты; были созданы две бомбардирские роты. В 1692 г. приглашён на постоянную службу шведский военный инженер Хр. Ролль.

¹ Е с и п о в. Сборник выписок о Петре Великом. Т. I, стр. 279. М. 1872.

² См. Ч а р ы к о в Н. Посольство в Рим и служба в Москве П. Менезия. СПб. 1906.

В эти годы Пётр не раз устраивал грандиозные артиллерийские стрельбы «по мишени» и бывал «на Пушечном дворе у пушечного литья», щедро награждал и пушкаррей, которые «убивали по мишене в яблоко», и мастеров, удачно отливших новые пушки «против голанского обрасца».

Первые регулярные полки Петра получили «боевое крещение» в «потешных походах» 1691—1694 годов. Собственные, так часто цитируемые слова Петра «шутили под Кожуховом» и элементы маскарадности не должны скрывать от нас огромного значения «потешных походов» в истории русской армии. У Петра были серьёзные основания к тому, чтобы Кожуховский поход представить «шуткой», а походы к Азову—продолжением «игры». Давно известно, что в шутках и маскарадах Петра была своя система. В действительности «потешные походы» явились первой попыткой практического применения и проверки (пока ещё в условной обстановке маневров) новых идей о значении в современном бою военной науки и искусства, новых форм военной организации, новых тактических приёмов и средств. «Потешные походы» явились первым шагом к перестройке армии на регулярной основе. Они внесли в её жизнь принцип систематического строевого и полевого обучения войск. Они явились, наконец, непосредственной подготовкой к азовским походам.

«Потешные походы» характерны прежде всего постоянным и далеко не случайным противопоставлением «нашей» армии, солдатских полков, армии «неприятельской» — стрелецким полкам. В маневрах участвовали десятки тысяч воинов и все роды и виды войск. Известно, что обстановка маневров была близка к «настоящим» сражениям, а ожесточение с обеих сторон достигало крайнего предела. В этих условиях не случайны, повидимому, были постоянные «победы» «нашего» войска над «неприятелем». Современные описания походов и показания очевидцев (например Б. Куракина) свидетельствуют о том, что «наши» полки строились перед сражением в боевой порядок, общепринятый в то время на Западе: пехота в центре, кавалерия на флангах. Они сохраняли известную дисциплину боя, поддерживали главные силы резервом и пр., т. е. проявили некоторые навыки «регулярного» боя, в то время как стрельцы действовали нестройно и беспорядочно, «с великим шумом и криком». «Известное описание» Кожуховского похода резко критикует нестройные действия «неприятеля» и прямо указывает на его тактические ошибки¹.

Наоборот, в действиях «нашей» армии сказались не только результаты усвоения опыта лучших полков «иноземного строя» XVII в., но также поиски новых военно-организационных и тактических средств. Первые военные советы генералитета «нашей» армии, участие в маневрах бомбардирской роты, роты «матрозов», использование речного транспорта и «нововымысленных стругов» с бойницами для преображенцев, вооружение хотя бы одной роты в полку Лефорта «багинетамми», попытки применения современной, пусть ещё весьма несовершенной, фортификации и методов осады «по инженерской науке»,— всё это ясно доказывает, что Пётр даже в то время не шёл по пути механической перестройки своих полков по образцу полков «иноземного строя» Алексея Михайловича.

Любопытно, что, вручив командование «нашей» армией «генералиссиму» Ф. Ромодановскому, а армией «неприятельской» И. И. Бутурлину, сам Пётр неизменно сражался на стороне «наших» войск, действуя в роли то сержанта Преображенского полка, то рядового бомбардира, то ротмистра рейтарского полка, то командира роты «матрозов», то, наконец, брал на себя обязанности «минёра» и «подкопщика». В действительности не только идея первых в истории современных армий крупных полевых маневров, но также и руководство ходом учений принадлежали Петру.

¹ «Известное описание» Кожуховского похода. «Военный сборник» за 1860 год. Т. XI, стр. 72, 83.

«Потешные походы» «были великой магнификации», писал участник походов Б. Куракиц, — «нечто являлося от того великого»; что же касается Кожуховских маневров, то, заявляет петровский дипломат, «могу сказать, что едва которой монарх в Европе может учинить лутче того»¹.

Открывая в 1695 г. военные действия, Пётр возложил на свои молодые полки главную задачу кампании — овладение Азовом. Однако лишь боевой опыт азовских походов послужил толчком к дальнейшей реорганизации армии. Сам Пётр впервые проявил здесь качества выдающегося полководца и военного организатора.

Уже в первом походе к Азову можно отметить ряд новых элементов и в организации армии и в её тактических приёмах.

Поход 1695 г. осуществлялся по заранее обдуманному стратегическому плану: главный удар — на Азов, вспомогательный, для отвлечения крымцев, — в низовья Днепра. Этот план, как и все самые детали военных организаций походов, Пётр обсуждал не по старому обычаю — с дьяками Разряда и с Боярской думой, — а в «консилии господ генералов». «Господин большой бомбардир, — писали Петру 16 февраля 1695 г. Гордон, Лефорт и А. Гольвинг, — письмо твоё дошло до нас в первом часу ночи. И мы высмотря, приговорили те пушки § взять... а те другие, полковые пушки, кажетца нам, что оне чижалы, а сверх как ты изволишь»².

В состав главной армии в качестве её ядра вошли первые регулярные полки, бомбардирская рота, группа военных инженеров (Хр. Ролль, А. Вейде, Ф. Тиммерман).

Пётр решительно отказался от укоренившегося в XVII в. неуклюжего способа вождения войск («полкохождение»). Он уже в первом походе создал мощную речную флотилию, которая перебросила водным путём две трети армии и большую часть припасов; Пётр по-новому решил одну из самых сложных проблем войны — транспортную, — умело использовал выгодное направление речных систем страны с севера на юг. Создание речного транспорта во много раз усилило мобильность войск.

Провал первого похода под Азов явился крупной неудачей русской армии. Однако неудача под Азовом не повергла Петра в отчаяние.

Пётр правильно определил причины неудачи и наметил новые средства овладения Азовом.

Находясь ещё под стенами Азова осенью 1695 г., Пётр отдаёт первые распоряжения о подготовке к новому походу, о вызове опытных инженеров из Цесарской земли, «шхиптиммерманов» (корабельных мастеров) из Архангельска для строительства галерного флота. Возвратясь в Москву, по его собственным словам, «от невзятия Азова», Пётр Великий, «с консилии господ генералов» берёт на себя самую трудную задачу подготовки к новому походу — строительство военно-морского флота. «Указано мне делать к будущей войне галеи»³, — писал он 30 ноября 1695 г. Ф. М. Апраксину.

Во втором походе (1696) Пётр усилил осадный корпус, устранил «пагубное многоначалие», назначив главнокомандующим армии А. С. Шеина, и применением военно-инженерных методов осады крепости с суши с одновременной блокадой её с моря добился блестящего успеха: «Азовцы, видя конечную тесноту, сдались»⁴.

Но Пётр не успокоился на достигнутом: ему хорошо была известна цена этой победы. Война открыла перед ним органические недостатки

¹ Архив кн. Куракица. Т. I, стр. 66.

² Письма и бумаги Петра Великого. Т. I, стр. 506.

³ Письма и бумаги Петра Великого. Т. I, стр. 53—54, 543—544; Памятники дипломатических сношений. Т. VIII, стр. 988.

⁴ Письма и бумаги Петра Великого. Т. I, № 112, письмо от 20 июля 1696 г. Ф. Ромодновскому.

старой военной организации, обнаружила вопиющую недисциплинированность стрельцов и поместной конницы (в поход не явилось 22% дворян «московского чина»!), недостаток военных знаний, отсутствие своих военных специалистов. В ходе азовских походов и после них у Петра созрел первоначальный план преобразования вооружённых сил государства, к осуществлению которого он приступил в 1696—1697 гг. с присущими ему энергией и целеустремлённостью¹.

Большая часть стрелецких полков после взятия Азова была оставлена на юге в качестве гарнизонных войск. Тем самым было положено начало «скасования» стрелецкой пехоты. Последний стрелецкий бунт, в 1698 г., был вызван стремлением стрельцов восстановить своё привилегированное положение московской «гвардии».

Подготовляя создание пехоты регулярного типа, Пётр в 1697—1698 гг. значительно расширил кадровый состав «выборных солдатских полков». Оставленные им перед отъездом за границу А. М. Головину «Статьи, кои надлежат генералу к управлению полком», требовали «чинить» «смотры и учения начальных людей и солдат», пополнять непрерывно «полковые припасы», «вновь в полки выбирать» урядников и рядовых солдат². К моменту возвращения Петра офицерский состав Преображенского и Семёновского полков в два—три раза превышал штатные «нормы», и многие офицеры числились «за ротами» (в запасе).

Вторая группа подготовительных мероприятий связана с посылкой «волонтёров» и личной поездкой Петра за границу. Решительно порывая с вековыми традициями быта московских царей, Пётр вместе с тем дал новую установку в отношении к западной культуре, отнеся себя первого к «чину учимых». Как ни глубоко проникали западные влияния в Россию XVII в., всё же до Петра усвоение иноземной культуры имело пассивный характер. Посланные в 1697 г. за границу «волонтёры» (стольники, офицеры, солдаты) должны были, по инструкции, составленной лично Петром, изучать морское дело и «военную науку». В январе 1697 г. был послан за границу «для присматривания новых воинских дел и поведений» майор «Преображенского солдатского выборного полку» А. А. Вейде. Сам Пётр и сопровождавшие его за границу «волонтёры» А. Меншиков, В. Корчмин, Я. Брюс, А. Кикин, Д. Овцын, С. Буженинов, Александр Арчилович и др. внимательно и с успехом изучали организацию и тактику западных армий и отдельных родов войск, артиллерийскую и оружейную технику и теорию, военно-инженерное дело и т. д.

Пётр изучал и сравнивал военную культуру всех западноевропейских государств, усваивая то, что казалось ему полезным, и отбрасывая всё «непотребное» (принцип наёмных войск, бесполезная муштровка солдат, отчуждённость офицерского и рядового состава, принципы «классической» линейной тактики и т. д.). Стремясь с самого начала реформы обеспечить свою армию кадрами русских специалистов, Пётр вместе с тем нанимал за границей сотни строевых офицеров, оружейных и пушечных мастеров, военных инженеров, бомбардиров, минёров, подкопщиков и т. д. По свидетельству А. Желябужского, в Москву в течение лета 1698 г. прибыло до 700 иноземных офицеров и военных специалистов³.

Готовилась и техническая база предстоящей реформы: «Великое посольство» приобрело за границей десятки тысяч ударно-кремнёвых ружей с багинетами, большое количество пушек, мортир и гаубиц.

По поручению Петра, за границей готовились чертежи орудий «по

¹ Нельзя согласиться с утверждением проф. Коробкова о том, что Пётр только из заграничной поездки 1697—1698 гг. «вернулся с планом решительной перестройки русских вооружённых сил» и, таким образом, толчком реформы послужили заграничные впечатления Петра; «Военная мысль» № 2—3 за 1944 г., стр. 72.

² ЦГАДА. Кабинет Петра Великого, отд. II, д. 53, л. 595 (далее — Кабинет).

³ Записки А. Желябужского, стр. 123. 1845.

калибрам», рецепты артиллерийских смесей и изучалась военно-административная и тактическая организация западных армий в целом и отдельных родов войск¹ и т. д. Подготовка коснулась, таким образом, всех сторон военного дела.

Реформу армии Пётр начал с преобразования главного рода войск — пехоты. Новые публикации и архивные материалы показывают, насколько продуманно и основательно подошёл Пётр к решению этой задачи. В 1698—1699 гг. Пётр, А. Вейде и А. Головин разработали на основе русских обычных правил и так называемого «устава Вейде»² первое строевое положение регулярной пехоты. Таким образом, в армии были введены единые, уставные строевые правила. Это был важный шаг на пути образования регулярной пехоты³.

Отбросив сложные приёмы и перестроения западной пехоты, описанные в «уставе Вейде», Пётр принял для русской пехоты только те строевые правила, которые были необходимы для подготовки солдата и grenадера к бою: простое сдваивание рядов и шеренг, приёмы с ружьём и «с багинетом», приёмы с гранатой. Все приёмы, перестроения и команды русского строевого устава просты и ясны. Они предусматривают две ступени обучения солдата — рекрута и старослужащего. Так например зарядание производилось в 12 приёмах, но для обученных предусмотрен «скорый заряд» — всего в три приёма: «Заряжай», «Прикладывайся», «Стреляй».

Строевое положение 1699 г. раз и навсегда опровергает легенду о том, что русская пехота при Петре до 1721 г. была вооружена пиками. Оно не только предусматривало действие штыком, но и вносило коренное изменение в существовавшие на Западе правила пассивного, только для обороны от кавалерии, использования штыка, требуя активного применения штыка в рукопашном бою. Это, на первый взгляд, маловажное обстоятельство в действительности отражало доверие Петра к солдату, к его боевой энергии и инициативе.

Пётр принял новейшие методы боевой стрельбы пехоты, только что вводившиеся в лучших армиях Европы, при линейном построении в шесть шеренг. Устарелый способ стрельбы «стрельным ходом», при глубоком построении пехоты в 12 и более шеренг, был отменён.

Набору регулярной пехоты в конце 1699 г. предшествовала широкая подготовка строевых пехотных офицеров из русских дворян. По крайней мере половина офицеров-иноземцев оказалась непригодной к службе. «Трудов на них много положено, а иные и ныне не умеют за мушкет приняться»⁴ — жаловался Петру генерал А. Головин, руководивший обучением офицеров по новому строевому «артикулу». В связи с этим Головин «выкинул из них человек с полтора ста, а в остатке в учении человек с полтора ста же».

Весной 1699 г. «в ученье пехотному строю» записано до 300 русских дворян, которые, пройдя курс обучения «по артикулу», распределены по-

¹ Так например «волонтёр» В. Корчмин по поручению Петра составил в Берлине список всех чинов армии — от фельдмаршала до фендриха (прапорщика), сколько кто получает жалования и «какое обмундирование и довольствие солдатам». Я. Брюс прислал Петру из Англии «Описание чинам... у английского короля у артиллерии на войне и во время миру, такожды о их жалованьи подённом». Письма и бумаги Петра В. Т. I, стр. 716—717; Устрялов Н. История царствования Петра В. Т. III, прил. VII.

² Устав Вейде 1698 г. никогда не применялся для обучения армии и представляет собой обширный доклад Вейде Петру о воинских обычаях различных государств Европы с критическими замечаниями автора. Уставом документ назван издателями в 1841 году. Материалы Вейде использованы при составлении первых уставных положений русской армии.

³ Строевой устав петровской армии был окончательно отработан и дважды напечатан в Москве в 1700 году. Полный текст его, включающий личные поправки Петра I, сохранился в рукописной книге капитан-армуса Ф. Петрова. 1714. Отдел рукописей библиотеки имени Ленина. Румянцевское собрание, № 366, стр. 82—91.

⁴ Письма и бумаги. Т. I, стр. 806, 814.

ровну между начальниками трёх пехотных дивизий («генеральств»): А. Головиным, Н. Репниным и А. Вейде¹. Одновременно для фундаментальной подготовки офицеров были созданы первые группы «сержантов в малых летах», «малолетних драгунов» при двух первых драгунских полках, а для подготовки артиллеристов — бомбардирская школа Преображенского полка. Пётр лично присутствовал на учениях офицеров и обучал бомбардиров теории и практике. Младший офицерский состав: урядники — сержанты, ефрейторы, подпрапорщики, капралы, каптенармусы и т. д. — выделялись из рядовых солдат².

Сформированные в 1699—1700 гг. полки регулярной пехоты состояли из 12 рот каждый, они были снаряжены и вооружены полностью за счёт государства фузеями с багинетами, лядунками, сумами, перевязями и багинетными «пясмами»³.

Вопреки утверждению военных историков, рекрутская система ещё не была установлена в 1699 году. В «прямое регулярное войско» 1699 г. Пётр набрал 10 727 даточных людей и 11 787 человек вольницы «всякого чина». При этом владельцам разрешалось взамен даточных вносить денежный налог по 11 руб. за человека. Это дало Петру 50 055 рублей. Конница вербовалась на старых основаниях, и дворянам в этот переходный период, как это практиковалось и на Западе, разрешено заменять личную повинность денежным взносом. Однако централизованный набор пехоты в 1699—1700 гг. на постоянную службу в армию подготовлял переход к рекрутской системе, осуществлённый в 1705 году.

Пётр понимал, что для создания новой армии недостаточно ещё обучить и вооружить солдат: надо было и воспитать их в духе «регулярной» дисциплины. С этой целью он и ввёл в 1700 г. уставные положения, чётко определявшие права и обязанности солдат и офицеров: это «Ротные пехотные чины» и «Статьи воинские, как надлежит солдату в житии себя держать и в строю и во учении как обходиться»⁴.

«Ротные чины» требуют от офицеров обучать солдат «шереножному строю» и стрельбе, «о солдатах иметь немалое попечение», изучать военное дело и быть образцом для подчинённых — «рассудок меж солдат иметь доброй», быть «добротою жития и смелого сердца». В бою офицер должен скорее «себя при знамени дать в части разрубить, нежели знамя, оставить, потому что вся рота по нём поступает». «Ротные чины» воспитывают чувство ответственности «начальных людей» за своё подразделение. Устанавливая новый принцип служебного подчинения по старшинству чина, «Ротные чины» наносили удар по вековым традициям военно-феодальной иерархии. Высший чин «урядника» — чин сержанта — можно было получить, лишь пройдя все ступеньки солдатской службы; сержанту «подобает знать солдатское обхождение и капральское, чтоб он в тех чинах искусен был и сам бы в тех служил». Позднее Пётр запретил производить в офицеры тех дворян, которые «с фундамента солдатского дела не знают» и «не служили солдатами в гвардии»⁵.

«Статьи воинские» в семи пунктах ясно и просто определяют обязанности солдат в строю, в карауле и вне службы. «Статьи» требуют от солдата не механически, а сознательно усвоить ружейные приёмы и перестроения, учиться и служить «с прилежанием». Приписка к документу, возможно, продиктованная Петром, гласит: «А сии статьи каждому сол-

¹ Записки А. Желябужского, стр. 144.

² Описание Архива министерства юстиции. Т. V. Дела Преображенского генерального двора.

³ Указание военных историков Масловского, Гудим-Левковича и др. на то, что полки 1699 г. были сформированы в 10-ротном составе, не отвечает действительности.

⁴ Кабинет, отд. I, д. № 37, лл. 573, 574.

⁵ Доклады и приговоры Сената. Т. IV, № 200.

дату должно на память иметь. И на каждую неделю по дважды читать им». «Наказания за вины», предусмотренные «Статьями», включают не только физические, но и моральные кары — перевод из солдатского оклада в «племянничий», исключение из полка.

Введение первых уставных положений способствовало укреплению регулярного порядка в армии, при котором «каждый чин», по словам Петра, «должен знать свою должность».

Дальнейший ход реформ связан с непосредственной боевой практикой русской армии в Северной войне.

Война явилась не только величайшим испытанием всех сил русского государства, но и боевой школой его молодой регулярной армии.

В Северной войне русская армия столкнулась с армией регулярной, искусной и испытанной в боях, имевшей за собой прочные традиции «регулярности» и славу «непобедимой», возглавляемой талантливым полководцем и опытным генералитетом. В то же время русская армия переживала время реорганизации и ещё не сложилась как армия регулярная.

Сам Пётр считал основной причиной нарвского поражения 19 ноября 1700 г. «неискусство» своих полков, которые до Нарвы «полевых боёв, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали»¹. «Когда сие несчастье (или лучше сказать великое счастье) получили, тогда неволя леность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила», — писал Пётр в своём «Журнале».

Поставив задачу овладения искусством «регулярного» боя, Пётр в ближайшие годы после Нарвы решил ряд крупных военно-организационных задач, изо дня в день совершенствуя организационную структуру, техническое оснащение и тактику армии. Пётр максимально использовал при этом благоприятную международную и военную обстановку².

Вскоре после Нарвы была ликвидирована поместно-дворянская конница, ещё раз обнаружившая свою небоеспособность в Нарвском сражении, а вместо неё создана регулярная кавалерия драгунского типа. В течение зимы 1700—1701 г. «Золотая палата», возглавляемая Б. А. Голицыным, произвела в 88 городах государства перепись копеечников, рейтар и недорослей, призвала 11 147 человек на службу и к весне 1701 г. сформировала 9 драгунских полков по 10 рот в каждом. Драгуны были снабжены лошадьми и снаряжением за счёт государства и вооружены фузеями с багинетами, парами пистолей в ольстрах и саблями³.

С 1702 г. драгунские полки пополнялись даточными людьми, а с 1705 г. — и рекрутами. Это привело к коренному изменению социального состава рядовой массы кавалерии. Командный состав драгунских полков был почти исключительно русским: в 1702 г. среди 10 драгунских полковников было только 2 иноземца, из 10 майоров — один иноземец, все ротные офицеры (329 чел.) и урядники (90 чел.) были русские⁴.

Драгунская кавалерия лишь постепенно овладевала искусством линейного боя: ещё в 1704 г. «несчастный случай» у Мур-мызы, по словам Петра, «учинился от недоброго обучения драгун». Пётр запрещал до победы у Калиша в 1706 г. конную атаку с холодным оружием, применяя в первое время ружейную стрельбу в конном строю, и приучал своих дра-

¹ Журнал Петра Великого. Т. I, стр. 25—26.

² Летом 1702 г. Пётр писал Б. П. Шереметеву: «Война у голландцев и прочих с французом зачалась. Изволь, ваша милость, рассудить нынешний случай как увяз швед в Польше, что ему не только сего лета, но чаю ни будущего возвратиться не можно». Письма и бумаги. Т. II, № 442.

³ Письма и бумаги. Т. II, № 408; Кабинет, отд. II, д. № 2, л. 226. Ольстра — футляра для пистолета (кобура).

⁴ Кабинет, отд. I, д. № 2, л. 962.

гун к действиям «фрунт на фрунт», требуя «отнюдь не скакать за неприятелем, хотя оной бежать будет, но шагом, или по нужде малой грудью»¹.

При первой же боевой проверке драгуны обнаружили более высокие качества, чем старопоместная, «нестройная» конница. Систематическое наращивание боевого опыта в борьбе с регулярной конницей противника привело к резкому изменению тактики русских драгун после 1706 года. Драгуны сочетали пистольно-ружейный огонь с решительной атакой холодным оружием. В 1701—1702 гг. при драгунских полках была создана впервые в истории военного искусства лёгкая конная артиллерия, а в 1704 г. — по одной гренадерской роте.

Таким образом, по способам комплектования и содержания, по характеру вооружения и тактики русская кавалерия стала при Петре регулярной кавалерией.

Под Нарвой все русские пушки достались шведам. Большая часть этих орудий была отлита в середине XVII в., а некоторые — даже при Иване IV. Военная обстановка требовала немедленного восстановления артиллерии. «Как возможно, для бога, поспешайте артиллерию»², — писал Пётр А. Винусу 8 апреля 1701 года. Благодаря подготовительным мероприятиям 1697—1700 гг. задача снабжения армии артиллерийскими орудиями и боеприпасами была решена сравнительно быстро, причём это было не простое возобновление, а полная реконструкция артиллерии на новых технических и организационных основаниях.

Пётр придавал большое значение артиллерии. Известно, что ещё в 1697 г. он прошёл в Кенигсберге теоретический и практический курс артиллерии и получил официальный диплом «огнестрельного мастера и художника».

Артиллерийские инженеры, работавшие на Пушечном дворе, обращались к Петру за специально техническими указаниями. Так, Я. Гошке в одном из писем Петру сообщал, что он сделал две модели: одну к такой мортире, какую Пётр перед тем «дать милостивейше изволил», «другая же модель по моему образцу сделана». «Высокопремудро рассудить можете, которой из сих своих образцов потребнейше есть»³, — заканчивает письмо Гошке. Устраивая новую артиллерию, Пётр использовал технический опыт русского артиллерийского производства. Характерна заметка в его записной книжке 1701 г.: «Сыскать русской вес из свинцовых ядер»⁴. Новые пушки, мортиры и гаубицы были изготовлены главным образом русскими пушечными мастерами (Яков Дубина, Карп Осипович, Иван Маторин, Семён Леонтьев, Логин Жихарев и др.)⁵.

Во главе артиллерийского производства Пётр поставил технически образованных лиц, знатоков артиллерии — А. Винуса и Я. Брюса. Были привлечены и иноземные инженеры. В мае 1701 г. Пётр отдал распоряжение Винусу: «Инженерам вели быть при артиллерии»⁶. В том же году в Москве была основана первая в России артиллерийская школа, в которой было 180 учащихся, а затем и артиллерийская лаборатория в селе Преображенском, где работали Я. Гошке, В. Корчмин и др.⁷.

В результате этих мероприятий были установлены технические данные

¹ Письма и бумаги. Т. III, № 870. Инструкция Петра войскам. 1704.

² Письма и бумаги. Т. I, № 369.

³ Кабинет, отд. I, д. № 1, л. 662.

⁴ Письма и бумаги. Т. II, № 613.

⁵ Бранденбург Н. Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 2-я. Вып. I, стр. 12.

⁶ Письма и бумаги. Т. I, № 374; об участии иноземных инженеров в производстве артиллерийских орудий в 1700—1701 гг. сообщает И. Посошков. См. «Записка о ратном поведении».

⁷ Бранденбург Н. Материалы по истории артиллерийского управления в России. стр. 241—242

и начато производство трёх типов орудий — пушек, мортир и гаубиц, с определёнными калибрами для всех типов орудий. К концу 1701 г. отлито 243 пушки, 12 мортир, 13 гаубиц, а всего 268 орудий¹.

В 1702 г. уже отливали лёгкие полевые гаубицы для драгунских полков. На представление Б. П. Шереметева 6 февраля 1702 г.: «Во все полки драгунские надобно по гаубице», — Пётр наложил выразительную резолюцию: «Делают»². В следующем году на вооружении 9 драгунских полков числились 24 гаубицы и некоторое количество вьючных «малых мортирцев». В это же время русская артиллерия начинает применять картечь. С 1702 г. полковая и полевая артиллерия снабжается «скорострельными» зарядными ящиками. Всё это во много раз повысило огневую мощь и подвижность русской артиллерии и поставило её к концу реформы выше артиллерии любой европейской державы.

Усвоив достижения передовой западной артиллерийской техники, Пётр не строил, однако, свою артиллерию по готовым «западноевропейским образцам», а творчески решал задачу технической реконструкции, реорганизации и повышения тактического искусства артиллерии. В записных книжках Петра за 1701—1702 гг. то и дело встречаются лаконические записи, отражающие зарождение новых идей в области тактического применения артиллерии: «О учении пушкарей в цель и о скорой стрельбе», «Кошке (Гошке.— П. Е.) о вождении пушек для скорой стрельбы», «О отведывании гаубицы новым маниром», «О вождении наперёд полковых пушек» и т. п.³. Стрелять прицельно, быстро, применять пушки маневренно, во взаимодействии с пехотой и конницей и для этого ускорить их подвижность, — всё это собственные идеи Петра-артиллериста, осуществлённые им в ходе реформы.

Дальнейшие успехи русской артиллерии связаны с быстрым ростом железодельной промышленности. Военная историография обошла молчанием этот вопрос. Между тем промышленное освоение уральских, липецких и олонечких месторождений высококачественного железа, пригодного для производства оружия, произвело целый переворот в артиллерийском и оружейном производстве России и предопределило успех петровской военной реформы. При Петре исчезли зависимость артиллерийского производства от наличия запасов меди и зависимость от импорта оружия из стран Западной Европы.

Осенью 1702 г. была отлита первая пушка из уральского железа. «Чаю, не плоше, если не лучше медной будет»⁴, — писал Петру Виниус. Началось массовое производство «сибирских» железных пушек, мортир и гаубиц, которые уже в 1703 г. получили всеобщее признание. «Англичане зело сибирские пушки возлюбили, — писал Виниус Петру, — и железо хвалят: лучше де гишпанского, и просят одной пушечки для образца»⁵. На олонечких заводах в 1703 г. было изготовлено 100 пушек с тысячью ядер к каждой. В эти годы напряжённой борьбы в Ингерманландии Пётр записывал в своей книжке: «О образцах в Сибирь пушкам, также и на Пушечный двор», «Бутенанту о пушках, ядрах, бомбах и проч.», «Сделать образец картечи 24—12 фунтовым» и т. п.⁶.

В первые же годы Северной войны определилось чёткое разделение артиллерии на лёгкую полковую, полевую, осадную и гарнизонную. В 1701 г. был создан первый артиллерийский полк с ротами пушкарской, бомбардирской, «пеонирской» (инженерно-сапёрной), с группами пушечных, лафетных и других мастеров. Наконец, в 1705 г. прислуга артил-

¹ Кабинет, отд. I, д. № 37, л. 382. Ведомость Я. Брюса.

² Письма и бумаги. Т. II, № 409.

³ Там же, №№ 612, 701.

⁴ Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 2-я, прил. II, стр. 155.

⁵ Письма и бумаги. Т. II, № 469.

⁶ Там же, №№ 612, 614.

лерийского обоза из обывателей, по указу Петра, была заменена солдатами из рекрут. Аналогичное мероприятие на Западе было осуществлено лишь в середине XVIII века.

Новая артиллерия обнаружила свои прекрасные качества в первых же полевых сражениях со шведами. При осаде Нотебурга артиллерия, по словам Петра, «зело чудесно своё дело исправила». В 1705 г. Ч. Витворт сообщал английскому правительству, что артиллерия в России «в настоящее время замечательно хорошо устроена..., под Нарвой русские обращались с пушками и мортирами с таким умением, какого он (фельдмаршал Огильви.— П. Е.) не встречал ни у одного народа»¹.

В первый период реформы (1700—1705 гг.) было положено начало оформлению «генерального штаба» русской армии. После победы при Эристфере Б. П. Шереметев произведён в фельдмаршалы. В 1702 г. в армию назначены генерал-квартирмейстер князь А. Шаховской, генерал-аудитор С. М. Хрущов, генерал-гевальдигер К. С. Титов, генеральный писарь и три генерал-адъютанта. В армии вводится новая система поощрений — награждение орденами и медалями, повышение в чине за боевые заслуги. В 1704 г. пехотные полки были переформированы в 9-ротный состав (8 рот фузилерных и одна гренадерская). Сокращение количества рот и соединение их в батальоны повышали маневренность, а создание гренадерских рот усиливало огневую силу пехоты.

В эти же годы Пётр систематически прививал армии начатки правильной, «регулярной» тактики: боевое линейное построение пехоты и кавалерии, выделение резерва и т. д. Особенно укреплялась дисциплина боя и развивалось тактическое взаимодействие родов войск. Исходя из мысли о необходимости «искать неприятеля скорыми способами, налехке», Пётр уже в эти годы осуществлял идею «корволанта»². Он организовал в 1702—1704 гг. рейды отрядов, позднее — бригад драгунской кавалерии, усиленной конной пехотой и лёгкой артиллерией. В осадных операциях 1701—1705 гг. под Нотебургом, Ниеншанцем, Дерптом, Нарвой русская армия овладевала военно-инженерным искусством, сочетая инженерные методы осады с мощной артиллерийской подготовкой и решительным штурмом осаждённой крепости.

Так, шаг за шагом совершенствовались организация, вооружение и тактика регулярной армии. Все эти реальные достижения послужили основой для завершения реформы армии.

В 1705—1706 гг. война вступила в новую фазу развития. Если до этого главные усилия русской армии сосредоточивались на осадных операциях, а действия полевых войск ограничивались задачами прикрытия или обеспечения этих операций, то отныне главную задачу войны должно было решить тактическое искусство полевой армии. Изменились, таким образом, тактические условия войны. Этот перелом окончательно определился в связи с коренным изменением стратегической обстановки: с заключением Альтранштадтского мира между Карлом XII и Августом II «сия война над одними нами осталась»³.

Новая обстановка не застала русскую армию врасплох. Победа А. Меншикова под Калишем показала Карлу XII силу русской армии.

¹ Сборник Русского исторического общества. Т. XXXIX, стр. 57.

² По уставу 1716 г., «корволант» — сиречь лёгкий корпус создавался в составе драгунских полков, конной пехоты и лёгкой артиллерии. Классический образец организации и действий корволанта в армии Петра — операция по разгрому шведов под Лесной в сентябре 1708 года.

³ Письма и бумаги. Т. V, № 1490. Письмо Петра I Ф. Апраксину.

4 «Вопросы истории» № 1.

«Радосно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились»¹, — писал об этом сражении Петру А. Меншиков.

За пять лет, истекших с начала войны, регулярная организация армии укрепилась; были достигнуты первые успехи в перевооружении армии современной артиллерией и огнестрельным оружием. Все три рода войск получили некоторый опыт боевого взаимодействия. В военных действиях 1700—1705 гг. армия приобрела боевую закалку и овладела тактикой линейного боя — «фронт на фронт»; выросли мобильность армии и её оснащение техническими и транспортными средствами (понтонный парк, речной флот, инженерно-сапёрные средства); укрепилась дисциплина и моральное состояние армии. В целом армия обнаружила способность к быстрому развитию и усвоению нового военного искусства.

Опасность вторжения Карла XII в Россию поставила на очередь дня задачу увеличения армии и ускорила решение вопроса о методах комплектования войск.

Чрезвычайные методы пополнения армии, применявшиеся в 1700—1704 гг. (призывы пехих и конных даточных, вольницы, поголовных), отражались на состоянии армии и вызывали дополнительную нагрузку военного аппарата. В 1704 г. правительство пыталось провести генеральную перепись дворов и крестьян, но в условиях военного времени это крупное мероприятие осуществить не удалось. В 1705 г. новая военная обстановка потребовала немедленного перехода к системе периодических обязательных наборов в армию для подготовки обученных резервов. По указу 20 февраля 1705 г., был произведён первый набор рекрутов со всех городов и уездов по одному человеку с 20 дворов.

Переход к рекрутским наборам дал резкое повышение количества призываемых. В среднем по окладу на каждый набор приходилось 30—35 тыс. человек, а всего за 1705—1709 гг. наборы дали 167 895 человек и полностью удовлетворили потребность армии в рядовом составе².

Набор рекрутов представлял собой качественно новое явление сравнительно с призывами даточных людей в XVII веке. В отличие от последних рекрутская система явилась методом периодического пополнения регулярной армии для постоянной (пожизненной) службы. Рекрутов обучали на станциях «золдатскому строю по артикулу», выдвигая из их состава ефрейторов и капралов. Таким образом, уже в ходе набора, до поступления в армию, рекруты получали первоначальную военную организацию (капральство) и элементарную, строевую подготовку.

Переход к рекрутской системе имел огромное значение для укрепления русской армии и явился одним из важнейших факторов, определивших её успехи в XVIII веке. Ни одно государство Европы до наполеоновских войн не сумело столь радикально и успешно решить задачу пополнения армии по принципу национальной воинской повинности, как это удалось сделать Петру.

Более сложной оказалась задача обеспечения армии офицерским составом. После Нарвы Пётр манифестом 1702 г. о призыве иностранцев широко открыл двери в русскую армию для иноземных офицеров. Расходы по этой статье в 1703—1704 гг. составили около 60 тыс. рублей. Однако этот призыв был вызван обстоятельствами военного времени и оказался, в сущности, последним в истории русской армии. Подготовка офицеров в военных школах и в полках гвардии, рост числа кадровых офицеров в действующей армии позволили уже в 1705—1706 гг. фактически отказаться от системы найма иностранных офицеров.

В феврале 1705 г. Пётр издал указ, резко повышающий требования к иноземцам и ограничивающий наём иноземных офицеров. Когда генерал Гюнтер предложил России свои услуги, Пётр потребовал, чтобы он в

¹ Письма и бумаги. Т. V, № 1196—1199.

² Кабинет, отд. I, д. № 37, лл. 441—443. Выписка канцелярии рекрутского счёта.

случае поступления на службу в русскую армию безусловно подчинялся русскому главнокомандующему и не поступал так, как в своё время Огильви, который «ничьих советов принимать не хотел, но желал как учитель студентами, так он со всеми поступать»¹. Пётр отменил особую юрисдикцию для иноземных офицеров и наказывал провинившихся по общему для всей армии Артикулу. За годы войны выросли русские генералы и военачальники: фельдмаршал Б. П. Шереметев, командующий конной драгунской армией А. Меншиков, начальники дивизий и бригад Н. Репнин, М. Голицын, С. Кропотов, А. Головин, П. Апраксин, Игнатъев и др. В 1706 г., кроме Аларта, в русской армии не оставалось ни одного наёмного генерала. Петру и русскому генералитету принадлежали стратегические и тактические планы ведения войны в связи с вторжением Карла XII и блестящее осуществление этих планов, приведшее к разгрому шведов. Как свидетельствуют табели дивизий, в 1708 г. армия была полностью укомплектована офицерским составом, несмотря на то что к этому времени её численность значительно возросла.

Указами Петра 1707 и 1714 гг. был установлен определённый порядок производства офицеров — «чин за чином» — по свидетельствам старших начальников. Основанием для повышения в чине могли быть долговременная исправная служба, военное образование и боевые заслуги. Дворяне для получения офицерского чина должны были служить в солдатах гвардии: «Сей указ,— пояснял Пётр Сенату, — не на тех служит, которые солдаты ис простых людей и долго служа свою ваканцию получили прямою службою, которым быть по их достоинству ныне учинённым и впредь учиняемым»².

Обычай «в некоторых многих государствах» повышать офицеров в чине не по способностям, а по старшинству службы Пётр считал «недобрым порядком», «вредным государственному интересу, а случаетца и самим тем, которые повышены бывают», «ибо всяк может легко рассудить, что бог не равное дарование людям дал»³. По Воинскому уставу 1716 г., офицеры, получившие военное образование, «от других, которые в таковых науках неискусны, отменяются и скорее чин получают». В одном из собственноручных указов Пётр требовал от офицеров изучать военно-инженерную науку; к этому указу была приложена составленная им программа «нужнейшей части инженерства», включающая и устройство полевых «транжментов»⁴. Пётр в ряде личных указов требовал от старших начальников проверять знания и опытность офицеров «на поле», «якобы самому делу», не останавливаясь перед тем, чтобы «верхнего сводить на низ, а нижнего на верх», ибо неискусный офицер «во время может своєю головою заплатить»⁵. Указы Петра определяли места офицеров в бою и требовали от них проявления инициативы и сообразительности: «Чтобы офицеры каждый своей ротой командовали, а не на маера во всем смотрели»⁶.

Наконец, Пётр требовал от офицеров иметь «недреманное попечение» о солдатах, «не изгонять их лишними церемониями, караулами и протчим, а особливо во время кампаней», повседневно заботиться «о целости солдат», «ибо всё воинское дело в том состоит»⁷.

¹ Письма и бумаги. Т. V, № 1562.

² Собственноручные указы Петра 1707 г. Письма и бумаги. Т. VI, № 2062; 1714 г. Кабинет, отд. I, д. № 37, л. 375; Доклады и приговоры Сената. Т. IV, № 200.

³ Кабинет, отд. I, д. № 37, лл. 379—380 Собственноручный указ Петра I.

⁴ Там же, д. № 55, лл. 40—41. Указы эти, к сожалению, до сих пор не изданы.

⁵ «Учреждение к бою», собственноручная инструкция Петра I от 16 марта 1708 года. Её полный текст не опубликован, воспроизведён в книге поручика И. Кожевникова. Отдел рукописей библиотеки имени Ленина. Румянцевское собрание, № 13.

⁶ Кабинет, отд. I, д. № 37, л. 409.

⁷ Там же, лл. 23—28; Доклады и приговоры сената. Т. I, №№ 88, 161, 415 и др.

Ни в одной армии Европы не подчёркивалось так настойчиво и решительно новое отношение к солдату как носителю боевой силы и традиций армии, как это сделано в указах Петра и его Воинском уставе. «Имя солдат просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть», — говорится в Воинском уставе. В сражении «кто знамя своё или штандарт до последнего часа своей жизни не оборонит, оный не достоин есть, что бы он имя солдат имел». Воинская честь солдата возбраняет ему «обижать обывателя», ибо «через сие чести получить не можно».

Петру принадлежит идея о том, что обучение рекрут должно отличаться от обучения старых солдат, ибо «оние того грандусу уже миновали». Замечательна мысль Петра о необходимости полевого обучения войск, о том, что солдат и офицеров «надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать». Пётр дал и программу этого обучения, которая осуществлялась даже в трудных условиях 1707—1708 гг., когда он устраивал смотры и учения целых дивизий¹.

В 1706—1709 гг. было завершено перевооружение армии ударно-кремнёвым ружьём, причём, по инициативе Петра, багинет заменялся штыком. В эти годы отечественное производство ружей со штыками в Туле, Устюжне, Павлове, Олонце составляло 15—20 тыс. в год, в 1710—1711 гг. производство их увеличилось до 40 тыс. в год². Крупной реформой в оружейном деле явился переход к производству калиброванного оружия по «аппробированным образцам». В «Выписке о ружье», составленной при Петре, говорится: «Ружьё прежде хотя и делано было на Москве и на тульских заводах, однако зело было плохо, на старую манеру, и своих добрых мастеров не имели; и для сей новой войны как ружьё, так и амуницию подряжали из Голландии через купцов, которое ружьё також было плохо, ибо калибр был неравен и многое разрывало. К тому же неприятель искал всеми мерами дабы пресечь в Россию вывоз ружья и протчей амуниции. Того для... зачато ружьё делать лучшим мастерством на Олонецких петровских заводах, а потом и на тульских»³. Таким образом шведская блокада только ускорила рост отечественного оружейного производства на новых технических основах.

К 1708 г. армия была полностью снабжена ружьями с багинетами и штыками. В 20 полках армий Шереметева осенью 1708 г. имелись 21 801 фузея с 17 359 багинетами и штыками, причём некоторые полки (Преображенский, Шлиссельбургский, Московский, Белгородский и др.) были полностью вооружены штыками⁴. Прежде чем принять на вооружение трёхгранный штык, Пётр испробовал по крайней мере три—четыре типа разных штыков, посылая новые образцы на заводы для массового изготовления.

В эти же годы была завершена реформа артиллерии: созданы новые образцы полковых и полевых орудий по чертежам Петра и В. Корчмина, значительно облегчён вес орудий (трёхфунтовые пушки до 9 пудов, шестифунтовые — с 46 до 36 пудов и т. д.), наконец, введена единая шкала калибров. В делах Кабинета сохранилось большое количество собственноручных чертежей, расчётов и других материалов Петра I, отражающих его непосредственное участие в разработке шкалы калибров и в реконструкции артиллерии перед Полтавской битвой⁵.

¹ Эта программа сформулирована в «Учреждении к бою» и других указах Петра Великого.

² Кабинет, отд. I, д. № 37, лл. 23—28; Доклады и приговоры Сената. Т. I, №№ 88, 161, 415 и др.

³ Кабинет, отд. I, д. № 37, л. 21.

⁴ Там же, отд. II, д. № 8, лл. 1139—1165. Сводные «табели» армии за 1707—1708 гг. полностью опровергают ходячее утверждение о том, что Пётр лишь после Полтавы приступил к перевооружению армии штыком. Багинет — предшественник штыка. В отличие от последнего он вставлялся перед атакой в дуло ружья.

⁵ Письма и бумаги. Т. V, №№ 1662, 1862 и др.

Картина военно-технических преобразований при Петре I была бы неполна, если не указать на попытки осуществления многочисленных «инвенций», в том числе «винтованных» (нарезных) орудий, орудий, заряжаемых с казны, орудий с коническими снарядами, ряда систем скорострельных пушек (одну из них изобрёл сам Пётр), пушки с двумя мортирцами на лафете, зажигательных и светящихся ядер, ручных мортирок и фузейных картечек, нарезных штуцеров и т. д., и т. п.¹

Русские военные инженеры и техники при Петре I добились самостоятельного и оригинального решения ряда крупных проблем военной техники. Развитие военной промышленности, рост военно-технической культуры в целом явились решающими факторами, определившими успешную реорганизацию армии.

На протяжении 1706—1709 гг., до Полтавского сражения, регулярная армия получила законченную административную и тактическую организацию, закреплённую в Воинском уставе 1716 г., и полностью овладела современным военным искусством. В 1706—1707 гг., с выделением гренадерских рот в отдельные гренадерские батальоны, в составе солдатских полков оставалось по 8 фузилерных рот. Драгунские полки получили разделение на эскадроны (5 эскадронов по 200 человек). Гренадерские роты драгунских полков сведены в 3 отдельных гренадерских конных полка. В 1708 г. из отдельных пехотных гренадерских батальонов создано 3 полка гренадер (по одному в каждой дивизии). По указанию Петра, гренадеры выбирались из «гораздо добрых» рекрутов. Новый для русской армии вид пехоты был организован, вооружён и обучен в течение двух—трёх лет. По своей огневой и ударной силе гренадеры представляли в боевых порядках мощную поддержку для пехоты и ставились Петром во время сражений на самые ответственные участки. Каждый гренадер был вооружён фузейей со штыком, ручными гранатами, а некоторые и ручными мортирками. Гренадерские полки имели также лёгкую полковую артиллерию (например гренадерский полк дивизии Репнина имел 12 «винтованных пищалей»).

Начиная с 1705—1706 гг. пехотные и драгунские полки сводятся в бригады, а бригады — в дивизии. Пехота переходит от шестишереножного строя, принятого в начале реформы, к более гибкому и эффективному в смысле усиления ружейного огня четырёхшереножному строю. Этот переход был совершён по личному указу Петра, на который имеется прямая ссылка в черновой рукописи Устава воинского, хранящегося в делах Кабинета. Драгунские полки были сведены в отдельную конную армию, командование которой Пётр поручил А. Меншикову. Доказывая А. Меншикову целесообразность обособления конницы, Пётр писал, что «сие кажетна лучше: понеже, как говорят, пеший конному не товарищ, и есть разница меж конными и пешими, к тому же сам ты известен, что нам не для чего искать бою генерального, но паче удалятца от оного, а неприятеля искать скорыми способами налехке»². Выделение конницы было обусловлено, таким образом, стратегическими и тактическими соображениями, учитывающими подвижность этого рода войск. В авангардных боях при отступлении армии в глубь страны, в победах под Добрым, Лесной и Полтавой конная армия и её соединения сыграли огромную роль.

Руководство армией осуществлялось по принципу единоначалия. В 1706 г. Пётр вручил главное командование фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Огильви приказано быть «под команду первого фельдмаршала российского». Нежелание Огильви «принять пароль», т. е. подчиниться русскому фельдмаршалу, явилось одной из причин удаления его из армии после гродненской операции. Такие же требования Пётр предъявлял

¹ Кабинет, отд. I, д. № 55.

² Письма и бумаги. Т. III, № 789.

начальникам бригад. Так, в июле 1707 г. он писал Боуру: «Хотя вы и особый корпус имеете, однакож во всём с совету г. генерала Репнина чините, и о чём он будет писать, не описываясь к нам, по оному исполняйте»¹.

Укрепляя единоначалие, требуя безусловного подчинения младших начальников старшим, Пётр считал необходимым для разработки планов войны и отдельных операций собирать воинские консилии. Решения консилиев в Жолкиеве (конец 1706 г.) и в Чашниках (весна 1708 г.) показали во всём блеске рост военного искусства русского генералитета. Консилии являлись постоянным совещательным органом при командующем и не связывали инициативы генералов и офицеров в решении боевой задачи. Пётр не раз указывал генералитету, что «дела воинские не в едином равном порядке обретаются», а поэтому в боевой практике следует руководствоваться «случаем и временем», «дабы отечеству прибыль, а неприятелю убыток сыскать»². Советуя генералам предпринять те или иные боевые действия, Пётр обычно заканчивал свои указы словами: «В прочем полагаю на ваш добрый труд и рассмотрение», «В прочем полагаю на ваше рассуждение...»

В обстановке укрепления армии резко повысились требования к её командному составу. За неудачные действия у Головчино начальник дивизии Н. Репнин был предан военному суду и приговорён к смертной казни, заменённой ввиду заслуг обвиняемого разжалованием в рядовые. Как видно из оправдательного письма Репнина Петру от 1 августа 1708 г. Репнин обвинялся прежде всего в том, что у него в дивизии «не было диспозиции перед потребою в полках», что и явилось причиной «конфузии» и беспорядочного отступления дивизии³. Репнин оказался недостаточно предусмотрительным и понёс суровое наказание⁴.

Дело Репнина имело огромное воспитательное значение и сыграло большую роль в укреплении дисциплины и в повышении чувства ответственности генералов и офицеров за проводимые военные операции.

Регулярный порядок постепенно пронизывал всю внутреннюю жизнь армии. В 1708 г. перед Лесной и Полтавой русская армия представляла собой стройный и дисциплинированный организм с правильно функционирующим генеральным штабом, законченной административной и тактической организацией, увязывающей воедино все роды и виды войск. Впервые в истории русской армии была введена система ежедневных приказов⁵.

Приказами назначались смотры и учения частей, заседания военного суда (кригсрехт), объявлялось о производстве офицеров в следующий чин, о переводе из одной части в другую, определялся состав и назначались командиры отдельных соединений для выполнения операций, устанавливался общий распорядок жизни армии. В приказах давались также указания тактического характера, например: «У дела (т. е. в бою) у офицеров бы и у солдат синего платья не было», «У дела меж всякого батальона было бы место, чтоб можно свободно поставить две пушки» — и т. д.⁶.

Через приказы до сведения армии доводились важнейшие тактические и другие указания и директивы Петра. Объявляемые по всей армии

¹ Письма и бумаги. Т. VI, № 1924.

² Там же, Т. V, №№ 2035, 2062.

³ Кабинет, отд. II, д. № 8, л. 931.

⁴ Показательны и другие пункты обвинения Н. Репнина. «Не учредил стрельбы шеренгами и плутонгами, а стрелял «неисправно, по-казацки», не командировал «пикет» (сторожевое охранение), не сделал «транжжента», т. е. не укрепил позиции, занятые дивизией, наконец, «пост свой покинул». «Груды Русского военно-исторического общества». Т. I, № 174—177.

⁵ Кабинет, отд. II, д. № 2, л. 783.

⁶ Там же.

при ежедневном пароле приказы оказывали огромное воспитательное и дисциплинирующее влияние как на офицерский, так и на рядовой состав армии. Кроме приказов, исходивших сверху, были введены и ежедневные рапорты командиров частей высшим начальникам о состоянии роты, батальона, полка и т. д.¹ Эти рапорты и сводные таблицы за 1708 г., день за днём отражая состояние всех звеньев армии, показывают, что в период вторжения Карла XII в Россию молодая русская регулярная армия, отступая в глубь страны, сохраняла порядок и дисциплину.

В ходе тяжёлой борьбы с сильным и искусным противником армия закалялась и непрестанно совершенствовала своё мастерство. Пётр говорил, что «победу (в войне. — П. Е.) решит военное искусство и храбрость полководцев и неустрашимость солдат. Грудь их — защита отечеству». Он требовал от военачальников воспитывать армию в духе «подвигов воинских», «чему есть мать безконфузство», подчёркивая, что «сие едино войско возвышает». Одной из характерных черт полководческой практики Петра являлось постоянное внимание к моральному состоянию войск. После неудачи Шереметева в сражении у Мур-мызы Пётр писал фельдмаршалу: «Не извольте печальны быть... понеже всегдашняя удача многих людей ввела в пагубу». Пётр просил Шереметева сохранять хладнокровие и «паче людей ободрять». В случае успеха Пётр награждал отличившихся, повышал офицеров и солдат в чине, но вместе с тем сурово наказывал трусов и дезертиров. Провинившиеся могли заслужить прощение, лишь отличившись в боях.

Устав воинский требовал от полководца «привлекать к себе все сердца всея армии как офицеров, так и рядовых», «добрые их дела похвалять, за худые же накрепко и со усердием наказывать», проявлять об армии «заботливое попечение», а перед сражениями лично обращаться к войскам: «научать все полки при настоящем бою храбро и мужественно держаться». Вместе с тем «командующий генерал» должен быть требовательным к подчинённым, ибо «ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда». Значение строгой воинской дисциплины Пётр поясняет в своём Уставе примером детей, «без наказания и страха возвращённых, которые обыкновенно в беды впадают, но случается после, что и родителям пагубу приносят».

Претворение этих принципов воспитания армии дало свои плоды уже в период вторжения Карла XII.

О моральном состоянии армии накануне Полтавы можно судить, в частности, по тому, что побеги солдат из полков сократились до минимума. По данным рапортов и таблицей за 1708 г., количество беглых исчислялось единицами на полк. Это не было случайным явлением. Верность присяге усиливалась и поддерживалась в петровской армии целой системой мероприятий, развивающих идею воинского долга перед отечеством и чувство военного товарищества. В 1708 г. Пётр нашёл удачную форму соединения этих понятий с сильно развитым у русского солдата чувством землячества: полки были названы по губерниям, и личный состав их подбирали из уроженцев одной местности.

Система наград и поощрений, личные обращения Петра к солдатам перед сражениями, на учениях и смотрах, популярность в армии таких полководцев и военачальников, как Б. П. Шереметев, А. Меншиков, Н. Репнин, М. Голицын и др., обращение к чувству воинского долга солдата и офицера и наряду с этим — строгое и неуклонное осуществление требований дисциплины, основанной не на педантичной и бессмысленной муштре, убивающей в солдате всякие человеческие чувства, а на идее

¹ Приказы и рапорты. См. Кабинет, отд. II, д. № 8.

целесообразной боевой подготовки, идее военного товарищества и верности присяге и долгу перед отечеством, — всё это создавало особую атмосферу в армии и, безусловно, укрепляло её ряды. Знаменитый полтавский приказ Петра не был случайностью: он вытекал из самого духа петровской военной школы, из всех элементов, образовавших в течение ряда лет моральный облик армии Петра.

Сложившаяся в ходе войны регулярная организация армии была закреплена Воинским уставом 1716 года.

История возникновения этого устава полностью опровергает взгляды П. Бобровского и других историков военного права, считавших устав Петра «копией» иноземных уставов. Пётр использовал при составлении своего устава (главным образом «артикула» — военно-правовой части устава) военные законы других государств, однако не больше, чем любой военный законодатель любой европейской страны. Подлинная черновая рукопись Устава воинского, хранящаяся в делах Кабинета, показывает, что Пётр был автором основной части устава — книги 1-й — «О должности генералов», книги 3-й — «О эскерции».

Устав 1716 г. ярко отразил особенности русского «регулярного» военного искусства и военные идеи самого Петра; он обобщил боевой опыт русской регулярной армии, накопленный ею в ходе войны.

Основными источниками устава 1716 г. явились первые строевые положения и уставы, введённые Петром в 1699—1709 гг., — «Уложение» Б. Шереметева, «Артикул краткий» А. Меншикова, «Устав прежних лет» 1707—1708 гг., строевой устав 1700 г., а также личные указы и инструкции Петра I

Краткий обзор основных этапов военной реформы Петра I позволяет сделать некоторые выводы. Русская армия перед реформой была отсталой армией. Пётр «лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны»¹ и благодаря значительному расширению военной промышленности сумел создать новую военно-техническую базу в стране, перевооружить армию современной военной техникой. Это вызвало соответствующие изменения в организации и тактике армии.

Как указал Ф. Энгельс, в истории всех европейских армий на рубеже XVII—XVIII столетий произошла «революция в пехотном деле, вызванная заменой пики штыком и фитильного запала кремнёвым замком»². Энгельс писал, что «эта перемена завершилась в первые годы войны за испанское наследство, совпадая как раз с первыми годами XVIII столетия»³. Перевооружение пехоты ударно-кремнёвым ружьём со штыком привело к тому, что «во время войны за испанское наследство глубина пехотной линии была уменьшена от шести до четырёх шеренг»⁴.

Реформы Петра Великого — перевооружение русской армии ружьём с ударно-кремнёвым замком и штыком и переход к новейшему линейному боевому построению войск — совпали по времени с аналогичным процессом в лучших армиях Западной Европы. В то время как на Западе

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 359. 9-е изд.

² Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, стр. 23. Воениздат. 1940.

³ Там же, стр. 166.

⁴ Там же, стр. 167.

происходила война за испанское наследство, на другом конце Европы происходила Северная война, в ходе которой были заложены основы русской военной организации и военного искусства нового времени, оказавшие в свою очередь глубокое влияние на развитие западного военного искусства и предвосхитившие во многом его дальнейшую эволюцию.

Если «сочетание пехоты, кавалерии и артиллерии в подразделениях армии»¹ явилось основной тенденцией в развитии организационной структуры армии нового времени, а «взаимная поддержка трёх родов войск» — в развитии их тактики, то ни одна из армий Европы до эпохи наполеоновских войн не достигла в этом направлении больших успехов, чем русская армия при Петре Великом.

Организационные и тактические положения Устава воинского насквозь пронизаны идеей увязки трёх родов войск и их тактического взаимодействия, а полководческая практика Петра Великого представляет наглядные примеры блестящего осуществления этих идей.

Основная черта стратегии и тактики Петра Великого — исключительный реализм, подчинение тактических приёмов требованиям реальной обстановки — «случаю и времени» — является характерной чертой его полководческого искусства и выгодно отличает тактику петровской армии от формальной и шаблонной тактики западных наёмных армий, не исключая и армии Фридриха II Прусского. В отличие от прусской школы Фридриха II и его последователей, основанной на недоверии к солдату и связывании инициативы военачальников, на палочной и бессмысленной муштре солдат и офицеров, русская школа, созданная Петром Великим, П. Румянцевым, А. Суворовым и М. Кутузовым, высоко подняла значение солдата и требовала от всех воинов — от рядового до полководца — инициативы, сообразительности, мудрости в решении малых и больших боевых задач. Солдат должен быть «осторожен и расторопен», должен выполнять свой воинский долг, как «честному, верному, послушному, храброму и неторопливому солдату надлежит», должен знать, «как в бою поступать», — эти положения военных уставов и инструкций Петра нашли логическое завершение в формуле Суворова: «Каждый воин должен понимать свой маневр».

По Воинскому уставу Петра, всякий офицер должен быть «смелого сердца», а «командующий генерал» — «муж великого искусства и храбрости, ибо «храбрость его неприятелю страх творит, искусство его подвизает людей (армию) на него твёрдо уповать». Генерал должен быть прозорлив и руководить армией «с предзрительным промышлением, как мудрому командующему генералу надлежит», должен быть бдителен — «бодрое око иметь на неприятельскую помощь», «о неприятеле накрепко разведывать»². Эти мысли Устава воинского совпадают с афоризмом Суворова о «достоинствах военных»: «Для солдата — бодрость, для офицера — храбрость, для генерала — мужество, руководствуемые начальными порядками и дисциплины, управляемые бдительностью и предусмотрительностью».

«Тщательно обучай подчинённых тебе солдат и подавай им пример» — требовал Суворов от офицеров.

Офицер должен обучать солдат, «елико случай и время допустить может», «чем может свою фортуна сыскать» и солдатам «добрый приклад подавать и собой оказать, что оные чинить имеют», — говорится в уставе Петра. «Генералу необходимо образовать себя науками», — говорил Суворов. «Непрестанная наука из чтений».

¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Т. I, стр. 139.

² Устав воинский 1716 г. ПСЗ. Т. V, кн. 1-я «О должности генералов».

Каждый офицер должен «изучать военные науки, а особливо артиллерию и фортификацию». — требует Устав Петра.

Не случайно Суворов резко протестовал против введения в 1796 г. Павлом I и его «прусскими преобразователями» — бездарными гатчинцами — нового устава русской армии — копии устава Фридриха II и назвал этот устав «немороссийским переводом рукописи изъеденной мышами и найденной в развалинах старого замка». Именно по поводу этого заимствования Суворов говорил: «Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять?».

Пётр был основателем русской национальной регулярной армии. С гениальным предвидением Пётр умел отбирать и усваивать полезное и прогрессивное, отбрасывать бесполезное.

Созданием регулярной армии Пётр Великий воздвиг себе нерушимый памятник в истории русского государства.

Грандиозную реорганизацию вооружённых сил России Пётр осуществлял, как мудрый и дальновидный государственный деятель. В условиях тяжёлой Северной войны, в условиях отсталости русского государства Пётр Великий успешно решил эту историческую задачу.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫ